

Дарья Хара
Токио, Япония

РИСКИ ВОЗМОЖНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК В РУССКОЙ РЕЧИ ЯПОНОГОВОРЯЩИХ

Как известно, ошибки в иностранном языке в процессе его усвоения неизбежны, обязательны и естественны. Их не нужно бояться, к ним стоит относиться как к закономерному явлению: существуют методы, способствующие их коррекции и исправлению. Настоящая статья посвящена анализу ошибок, допускаемых в русском языке лицами, проживающими в Японии, являющимися носителями в первую очередь японского языка. Это может быть либо их доминантный язык, либо второй домашний язык. Материалом исследования послужили письменные работы студентов университета и детей-билингвов.¹

В раннем возрасте человек приобретает определённые языковые знания и навыки, которые определяются языковым окружением. В привычном случае оно представлено одним родным языком. Если же это окружение составляют два или более языка, то они неизбежно вступают во взаимодействие. При всей сложности результатов подобного взаимодействия в нём можно выявить определённые закономерности и оценить их роль в процессе овладения вторым языком.

Научный термин «интерференция», указывающий на факт взаимодействия, даже взаимовлияния языков, получил широкое признание после выхода в свет в 1953 году монографии американского учёного У. Вайнрайха «Языковые контакты». Вайнрайх полагает, что условием возникновения лингвистической интерференции является языковой контакт, под которым можно понимать либо «речевое общение между двумя языковыми коллективами», либо ситуацию обучения второму

---

¹ Будучи по образованию лингвистом, специалистом в области и японского, и русского языков, автор на протяжении 18 лет преподаёт русский язык как иностранный носителям японского языка. Наш опыт преподавания позволяет сделать вывод о том, что изучающие русский язык носители японского языка допускают во многом типовые ошибки, причём принадлежность к определенной возрастной группе в этом плане практически не сказывается.

языку. (В англоязычной традиции принято в последнее время избегать термина интерференция, относящегося, скорее, к негативным явлениям в речи билингов, и говорить о позитивном либо негативном трансфере (переносе) из одного языка в другой, преимущественно в случае ситуации овладения вторым языком.) Интерференция – «случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи билингов в результате их знакомства с более чем одним языком» – есть следствие контакта языков (Weinreich 1953). В последующем интерес языковедов к этому явлению возростал, появился целый ряд работ по фонологической и фонетической интерференции. Меньше публикаций вышло по лексической и семантической интерференции, и сравнительно мало работ посвящено грамматической интерференции. Понятие интерференции используется не только в лингвистике. В педагогической науке под этим обычно понимается отрицательное влияние ранее усвоенных навыков на формирование новых. В трудах российских учёных выделение и описание внутриязыковой интерференции как фактора, который необходимо учитывать при обучении иностранному языку, принадлежит представителям психолингвистического направления (Дешериева 1981; Закирьянов 1984; Компаниец 1984; Московкин 1999; Мучник 1972 и др.), аналогично рассуждает румынский психолингвист Т. Слама-Казаку (1984). Эти авторы рассматривают интерференцию как один из видов переноса навыка: здесь под межъязыковой интерференцией понимается «отрицательный перенос речевых навыков, сформированных у учащегося на родном языке, в речевую деятельность на изучаемом языке» (Московкин 1999), под внутриязыковой интерференцией – «отрицательный перенос сформированных навыков изучаемого языка на новый материал» (там же). В настоящей статье анализируется именно отрицательное влияние системы японского языка на формирование навыков владения русским языком, т.е. случаи межъязыковой интерференции на начальном и среднем этапе изучения русского языка.

Источником грамматической межъязыковой интерференции лингвисты и педагоги считают стабильный по своей природе речевой механизм родного, доминирующего языка и распространение правил его функционирования на другой язык. Мы намерены рассмотреть, в частности, следующие вопросы: нарушение синтаксических норм русского языка, например, порядка слов в предложении, ошибки, которые вызваны различием в системах словоизменения, лексические ошибки, связанные в общем случае со словоупотреблением. Все это относим к

ошибкам, возникающим под давлением системы японского языка. Для многих японцев первым среди изучаемых иностранных языков становится английский язык: это дополнительный источник формирования знаний, которые механически воспроизводятся при использовании второго иностранного языка.

При анализе ошибок, которые связаны с порядком слов в предложении, следует иметь в виду, что последний значим для двух уровней – потенциального синтаксиса и актуального синтаксиса (см., например, Вардуль 1964). На уровне потенциального синтаксиса японский и русский языки различаются тем, что первый относится к языкам с фиксированным порядком слов (препозиция зависимого члена предложения главному), а второй – к языкам со свободным порядком слов. На уровне актуального синтаксиса порядок слов в обоих языках формирует логическое ударение, но в японском языке вариативность порядка слов ограничивают правила потенциального синтаксиса. Все это объясняет следующие типы ошибок:

- 1) В простом предложении русского языка сказуемое перенесено в конец предложения, причём такое перенесение не обусловлено логическим ударением. Так, фраза «Я в школу иду» является буквальным соответствием японского предложения *Ватаси ва гакко: э икимасу* – перенос сказуемого «иду» к концу предложения обусловлен не логическим ударением, а влиянием законов построения предложения в родном языке. Фактически носитель японского языка в русском предложении всегда старается как-то зафиксировать положение сказуемого. Этим же объясняются те трудности, которые обучаемые испытывают и при синтезе русского предложения, когда порядок слов нужно использовать для логического выделения, и при анализе – когда, в том числе и на слух, нужно понять предложение, где логическое ударение выражено путём изменения нейтрального порядка слов.
- 2) В японском языке зависимый член предложения всегда предшествует главному. Так, определение расположено непосредственно перед определяемым и между ними не может быть другого члена предложения, кроме определения же. Видимо, именно это объясняет сложности в усвоении носителями японского языка распространенных определительных конструкций и придаточных предложений, которые оформляются в русском языке союзными словами. В японском языке эти связи выражаются при помощи заключительных форм и

синтаксической позиции, а аналоги русских соотносительных слов «который», «сколько», «где» и т.п. отсутствуют. Так, в словосочетаниях «школа[, где] я учусь» (яп. *каёттэ иру гакко:*) или в предложениях «Это суп[, который] приготовила мама» (яп. *корэ га хаха но цукутта суну дэсу*) могут выпадать союзные слова «где», «который» (это одновременно и пословный перевод и варианты из работ информантов, когда выпадают указанные в квадратных скобках слова).

- 3) Нередко под влиянием японского языка встречаются нарушения правил построения сложноподчинённого предложения: происходит объединение сочинения и подчинения. *Когда мы пришли, и все уже собрались* вместо *Когда мы пришли, все уже собрались*, т.к. в японском предложении со значением времени нередко употребляется союз *то*, у которого есть омоним – сочинительный союз *то* «и».

Вышесказанное свидетельствует о том, что обучаемые при построении русского предложения руководствуются синтаксическими правилами родного, в данном случае японского языка, а также находятся под воздействием межъязыковой интерференции в омонимии.

Интерференцию можно наблюдать у носителей японского языка и в области формообразования – морфологии. Морфология, наряду с синтаксисом, относится к сфере грамматики и сообщает перечень свойств, характерных для той или иной части речи. Грамматика представляет собой наиболее структурированное и формальное описание правил построения языкового высказывания, именно здесь, на начальном этапе обучения иностранному языку, интерференция особенно заметна как на уровне формы, так и на уровне значения.

Самой сложной частью речи при освоении русского языка следует, очевидно, признать глаголы. Вызвано это тем, что понятийным категориям времени и характеристике процесса действия в двух языках соответствуют разные по объёму или оттенкам содержания грамматические категории. Так, в описании русского языка присутствуют три формы времени – прошедшее, настоящее и будущее, а в описании японского собственно время представлено формами прошедшего и непрошедшего времени. Грамматическая категория вида, определяющая характер протекания действия, в русском языке реализуется в противопоставлении совершенный – несовершенный вид, т.е., строго говоря, скорее словообразовательных, а не словоизменительных форм. Со значением совершенного вида в японском языке соотносимо значение формы длительного вида глаголов моментального действия (перфект у предельных гла-

голов) или значение формы бессубъектного результата. Эти формы в рассматриваемых языках именно соотносимы: области их значения частично пересекаются, но не совпадают. Отсутствие в японском языке форм, соответствующих, например, инфинитиву, или формам лица/рода глагола ещё больше усложняет систему правил и увеличивает число ошибок.

Среди прочих нарушений правил употребления глагола можно отметить:

- 1) неправильное образование личной глагольной формы: *Я не переживают* вместо *Я не переживаю*;
- 2) унификация основ инфинитива и прошедшего времени: *Мы рано вставаем* вместо *Мы рано встаем*;
- 3) использование формы инфинитива вместо формы лица: *Каждый день она подрабатывает официанткой* вместо *Каждый день она подрабатывает официанткой*;
- 4) унификация основы разноспрягаемых глаголов: *Они не могут* вместо *Они не могут*;
- 5) «синтаксическое калькирование» – сохранение в русском языке управления, свойственного глаголу в японском: *Мы украсили цветы на телевизор* вместо *Мы украсили телевизор цветами* (яп. *Тэрэби ни хана о кадзатта*); смешение управления глаголов движения и глагола «быть»: *Я был в Индонезию* вместо *Я был в Индонезии* (яп. *Ватаси ва индонесиа э иттэ ита*);
- 6) неправильный выбор формы рода в прошедшем времени: *Победил не наша команда* вместо *Победила не наша команда*;
- 7) смешение основ совершенного и несовершенного видов: *Когда я **переехал** на велосипеде переход, меня сбила машина* вместо *Когда я **переезжал** на велосипеде переход, меня сбила машина* или образование видовых пар одновидовых глаголов: *интереснулись этим* вместо *интересовались/заинтересовались этим*;
- 8) смешение возвратных и невозвратных глаголов (особенно при использовании фазовых глаголов «начать», «продолжать» и «заканчивать»): *Мы **заканчивались** играть*;
- 9) отрыв отрицательной частицы *не* от глагольной формы так, что меняется объект отрицания: *я не так думаю* вместо *я так не думаю*.

Особенно трудно даются конструкции, где глагольное отрицание усиливается отрицательными местоимениями: *даже один раз не видел*

вместо *ни разу не видел* (яп. *итидо мо мита кото най*, где «итидо мо» дословно «и один раз», а отрицательная форма *най* «нет» присутствует только единожды). *Никто знает* вместо *никто не знает, ничего вижу* вместо *ничего не вижу, никогда забуду* вместо *никогда не забуду*. Судя по всему, усилительная частица «ни» ошибочно воспринимается как отрицание, тем более что в русском языке в безударном положении различие [e]-[i] нейтрализуется.

Слова со значением признака предмета по морфологическим признакам в русском языке относятся к прилагательным. Наличие грамматических категорий рода, числа, падежа, согласование как вид синтаксической связи, свойственной их сочетанию с существительными, заметно отличают их от слов, принадлежащих тому же семантическому классу в японском языке. Там, например, один из крупных подклассов характеризуется рядом категорий, свойственных глаголу.

Ошибки в употреблении прилагательных можно свести к следующим типам:

- 1) смешение форм рода, в том числе у полной и краткой формы прилагательного в функции сказуемого: *Красива город Москва* вместо *красив город Москва*;
- 2) образование ненормативных форм сравнительной степени при наличии супплетивных: *Она учится хорошее* вместо *Она учится лучше*;
- 3) дистантное положение определения относительно определяемого существительного, вследствие чего возникают не только ошибки в согласовании, но и другие синтаксические связи: *у северной выхода станции* вместо *у северного выхода со станции*.

В японском языке, в отличие от русского, существительные не имеют грамматических категорий рода и числа. В необходимых случаях множественность выражается лексически, в том числе редупликацией, или у существительных, которые обозначают людей, суффиксами, характерными для семантического класса личных местоимений, например, *кодомо* – «ребёнок» и *кодомо-тати* «дети». Грамматическая категория падежа представлена в японском языке системой агглютинативных по технике соединения с основой показателей. От флективной падежной системы русского языка она отличается, в частности, большим числом выражаемых значений (падежи со значением исходной и конечной точек, основной падеж с нулевым показателем и т.д.), проникаемостью на стыке основы и падежного показателя (возможность

вставить частицы), набором значений, соотносимых с отдельными падежами.

Типичными ошибками, связанными с формообразованием существительных, являются:

- 1) смешение форм винительного падежа одушевлённых и неодушевлённых существительных: *мы ели краб; они купили телевизора;*
- 2) неправильное отнесение к роду, которое проявляется при согласовании форм определения и определяемого: *оценки за первый часть;*
- 3) неправильное употребление числа, которое проявляется при согласовании форм, в частности, подлежащего и сказуемого: *к нам пришли турок делать ремонт* вместо *пришёл турок* или *пришли турки;* при семантическом согласовании – *девочки накрашили глаз на вечеринку* вместо *девочки накрашили глаза на вечеринку*, а также образование не существующих в нормативном языке форм единственного и множественного числа *я слушаю музыки* вместо *я слушаю музыку;*
- 4) смешение понятийной категории пола с грамматической категорией рода – образования по аналогии: *Он жадин* вместо *Он жадина;*
- 5) использование обучаемым аналога японского основного падежа, когда он затрудняется в выборе правильной формы: *Я поехала в Москва* вместо *поехала в Москву*, *у меня заняты по музыки* вместо *у меня занятия по музыке;*
- 6) предпочтительное употребление в распространенных словосочетаниях не глаголов, а производных от них имён, что приводит к перегруженности сочетания формами родительного падежа: *Для меня попытка выбора изучения русского языка была правильной* вместо *Я правильно сделал, что выбрал и решил изучать русский язык.*

Функционирование существительных тесным образом связано с проблемами в использовании предлогов. Области значения некоторых падежей в русском и японском языках по основному значению порой совпадают. Это можно сказать про винительный падеж прямого объекта или родительный общей принадлежности. Но в целом полных совпадений мало. Предлоги русского языка, уточняющие падежные отношения, более абстрактны по значению, нежели их японские аналоги – послелогии, и усваиваются с трудом. Среди ошибок в употреблении предлогов отметим:

- 1) опущение: *Он посмотрел меня* вместо *Он посмотрел на меня;*

- 2) дублирование в словосочетании определение – определяемое: *в большом в городе* вместо *в большом городе*;
- 3) неправильный выбор нужного предлога из числа предлогов-синонимов, передающих значение одного показателя в японском языке: японскому показателю исходного падежа *кара* в русском соответствуют предлоги «с», «из» и «от», предельного падежа *мадэ* – «до», «к», иногда даже «в» и «на». Уже одно количественное несовпадение становится причиной высокой частотности ошибок при выборе соответствующего предлога в русском языке: *Поехал до посольства* вместо *Поехал в посольство*, *Получил из бабушки письмо* вместо *получил от бабушки письмо*; *от меня считать* вместо *с меня считать* = *начиная с меня...* Такие же трудности возникают и при выборе эквивалента для имён (по другой концепции – отыменных послелогов) с общим пространственным значением, типа *уэ* «верх», «на», «над», *сита* «под, низ», «внизу», «под».

Отдельного упоминания заслуживают сложности, которые возникают у носителей японского языка при изучении числительных. Основная трудность содержательного характера состоит в том, что в японской системе счёта разряд, соответствующий десяткам тысяч, имеет собственное наименование, поэтому при переводе числа в другую систему имеет место интерференция. Так, число 180 000 (сто восемьдесят тысяч) для носителя японского языка выглядит как *18 ман*, и по-русски он автоматически произносит «восемнадцать». Формообразование – склонение количественных числительных в русском языке как имён, а порядковых как прилагательных – представляется достаточно сложным и порождает массу ошибок.

Пожалуй, меньше всего проявляется интерференция при использовании наречий. В авторитетных концепциях (например, Алпатов 1979) отмечается сложность выделения этой части речи в японском языке, но общее для слов данной категории – синтаксическая позиция обстоятельства и неизменяемость/очень ограниченный набор форм – позволяют говорить о похожести этих категорий в двух языках. Ошибки возникают при сочетаниях слов типа «много», «сколько», «мало» с существительными, когда под влиянием японского языка вместо родительного употребляется винительный падеж. *Много задали уроки на выходные* вместо *много уроков*.

Местоимение как часть речи и в русском, и в японском языках может быть выделена на основе скорее общего семантического признака

(определяемое ситуацией указание на предмет/признак), нежели на основе морфологических или синтаксических критериев. По типу формообразования и характерной синтаксической позиции данные единицы можно распределить между классами существительных, прилагательных, наречий. Этим и объясняются следующие варианты разговорного типа или ошибки:

- 1) употребление формы числа или падежа: *У ней плохое здоровье* вместо *У неё плохое здоровье*; *Пришли к них* вместо *пришли к ним*; *Пришли к ними* вместо *Пришли к ним* (последний невозможно услышать от носителей русского языка).
- 2) дублирование местоимением одного из членов предложения (выносы темы): *Мой друг, он сейчас работает за границей* вместо *Мой друг сейчас работает за границей*.

Кроме того, возникающие при употреблении местоимений ошибки часто связаны с различиями лексико-грамматических значений этих слов в рассматриваемых языках. Например, в японском языке выбор между указательными местоимениями с корнями *ко-* «это-», *со-* «то-», *а-* «вон то-» основывается на степени удалённости предмета от говорящего и собеседника или степени знания о нём (Стругова 2001). В диалоге один и тот же предмет, если он в вопросе обозначен как *корэ* «это», в ответе должен быть обозначен как *сорэ* «это» или «то», в русском же языке эквивалентом обоих местоимений является «это». Поэтому носители японского языка зачастую, следуя правилам употребления местоимений в родном языке, на вопрос «Кто этот человек?» дают ответ «Тот человек ...».

Личные местоимения, в частности, местоимения 3-го лица, которые в японском языке используются намного реже, чем в русском, употребляются как заместители именно лица, а в отношении неодушевлённых предметов употребляются указательные местоимения. Это провоцирует такие ошибки, как *Это наш город. Это большой* или *Это наш город. Этот большой* вместо *Это наш город. Он большой*.

Под влиянием системы японского языка возникает значительное число ошибок, связанных с фразеологией, как в широком смысле этого понятия – словоупотреблением, так и в узком его смысле – употреблением единиц, которые по форме являются словосочетаниями, а по содержанию целостными, воспроизводимыми единицами. В качестве наиболее яркого примера проявления межъязыковой интерференции

при контакте русского и японского языков можно привести ошибки в использовании русского глагола «делать». Обучаемые сталкиваются с ним на самом раннем этапе изучения русского языка и сразу же соотносят его, очевидно, по основному лексическому значению с японским глаголом *суру*. Однако статус последнего в японском языке определяется прежде всего его участием в модели глагольного словообразования: при соединении с китайскими по происхождению морфемой или сочетанием морфем, которые имеют значение действия, образуются лексемы, обладающие формальными признаками глагола. Другими словами, *суру*, обозначая действие, в определенной степени предстаёт «десемантизированным», формальным элементом (вербализатором, см., например, Алпатов 1990). Но при употреблении словосочетаний, которые представляют собой фразеологию в плане выражения, обучаемые нередко заимствуют, «перетаскивают» в русский язык его конкретное значение, говоря: *Вчера мы делали вечеринку* вместо «устраивали вечеринку» или *Летом я делаю туризм* вместо «путешествую». К русскому же глаголу «делать/сделать» носители японского языка зачастую прибегают тогда, когда затрудняются найти или выбрать подходящий по смыслу глагол.

К этому же типу ошибки можно отнести нарушение лексической сочетаемости: *давать влияние* вместо *оказывать влияние*. Здесь тоже выбирается основное значение японского глагола *атаэру* «давать/дать».

Особенностями словоупотребления объясняются и ошибки типа *Я в школе начал заниматься шить* вместо *Я начал учиться шить*.

Обучаемые могут заимствовать в русский язык японские слова, употребляя сочетание *оранжевый сок* вместо *апельсиновый сок* или *Мы приготовили омурецу* вместо *омлет*. Интересно, что в японский язык эти слова пришли из английского.

Приведём примеры, характеризующие влияние словообразовательных моделей и семантических отношений между лексическими единицами японского языка на использование лексических единиц русского языка.

- 1) *У меня день рождения. Я стала двадцать лет* вместо *Мне исполнилось двадцать лет*. Это калька японской фразы *Ватаси ва хатати ни натта*, где слову *ватаси* соответствует русское местоимение «я», а сказуемое выражено глаголом *нару* «стать», имеющем форму прошедшего времени *натта* «стал / стала / стало / стали».

- 2) *Указательный палец надо оставить открытым* вместо «освободить»: в японском языке глаголы «открыть» и «оставить пустым, свободным», являются омофонами *акэру*.
- 3) *Отец плохо относится к большому звуку* вместо *Отец не любит громкий звук*. В японском языке «громкий звук» буквально «большой звук». (*Тити ва оокина ото га кирай да*).
- 4) *Я сегодня проспала телефон* вместо *телефонный звонок*. В японском языке значения слов «телефон» и «телефонный звонок» выражаются одной формой *дэнва*.
- 5) *Мне нравятся мандарины и апельсины и груши и яблоки и хурма* – соединение множества однородных членов предложения при помощи союза «и», своеобразное «иканье» – буквальное воспроизведение японского оригинала.
- 6) *Назвал меня* вместо *позвал меня*, *домный кинотеатр* вместо *домашний кинотеатр* – неправильный выбор приставки или суффикса для производных слов, в результате чего меняется значение.
- 7) *Кровь из носа выходит* вместо *Кровь из носа идёт/течёт* – трудности в использовании глаголов движения, так в японском не различаются по форме значения «идти» и «ехать», «нести» и «везти»: *не стала книги в Америку уносить* вместо *не стала книги в Америку увозить*.

Ошибки в употреблении фразеологизмов – единиц фразеологии в узком смысле слова – зачастую выражаются в попытках дословно перевести на русский язык и использовать в отрыве от русского культурологического контекста японский фразеологизм. Например, значение «посетитель (клиент) всегда прав» передаётся фразой «Клиент – Бог» – буквальный перевод японского *окакүсама ва камисама дэсу*.

За рамками настоящей статьи осталось достаточное количество материала, иллюстрирующего явление интерференции, однако уже можно сделать некоторые выводы, которые позволяют говорить о причинах её возникновения в той или иной области языка. Так, в грамматике достаточными условиями интерференции позволительно считать:

- 1) отсутствие в японском языке некоторой грамматической категории, типа рода или числа имён существительных;
- 2) неполное соответствие значения (значений) грамматической категории в русском и японском языках (падеж, вид глагола);

- 3) наличие в русском языке конструкций, эквивалента которым нет в японском языке (союзное соединение в определительных или временных конструкциях);
- 4) несовпадение категориального и грамматического значений как в пределах одного языка, так и в рассматриваемых языках (словоизменяемая категория одушевленности-неодушевленности в русском языке и семантически согласовательная категория одушевленности-неодушевленности в японском: сочетаемость глаголов *ару* и *иру*) и т.д.

Автор приносит благодарность Елене Викторовне Такэда, руководителю и педагогу школы «Одуванчик» (город Тояма, Япония) за предоставленные детские работы, которые также послужили практическим материалом при подготовке данной статьи. Мы надеемся, что наш анализ и выводы помогут педагогам, обучающим носителей японского языка русскому, сориентироваться при выборе учебных материалов, составлении упражнений, оптимизации учебного процесса.

Литература

- Алпатов, В.М. (1979) *Структура грамматических единиц в современном японском языке*. Москва: Наука.
- Алпатов, В.М. (1990) Вариативность японского языка в связи с типами языкового существования. В: Бирюлин, Л.А., Вардуль, И.Ф., Храковский, В.С. (ред.) *Типология и грамматика*. Москва: Наука, 60–66.
- Вардуль, И.Ф. (1964) *Очерки потенциального синтаксиса японского языка*. Москва: Наука.
- Вардуль, И.Ф. (ред.) (1986) *Актуальные проблемы японского языкознания*. Москва: Наука.
- Дешериева, Ю.Ю. (1981) Проблемы лингвистической интерференции в современном языкознании. В: Дешериев, Ю.Д. (ред.) *Теоретические проблемы социальной лингвистики*. Москва: Наука, 1981, 240–255.
- Закирьянов, К.З. (1984) *Двуязычие и интерференция*. Уфа: БИРО.
- Компаниец, Н.И. (1984) *Предупреждение ошибок в грамматическом оформлении речевого высказывания*. Канд. дис. Киев.
- Московкин, Л.В. (1999) *Оптимизация обучения иностранных студентов-нефилологов грамматическому аспекту русского языка*. Докт. дис. Санкт-Петербург.
- Мучник, А.И. (1972) Экспериментальное исследование процессов взаимодействия межъязыковой и внутриязыковой интерференции. В: *Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку*. Москва: МГУ, 110–121.
- Слама-Казаку, Т. (1984) Методология психолингвистического подхода в контрастных исследованиях. В: *Психолингвистика*. Москва: Прогресс, 283–306.
- Стругова, Е.В., Шефтелевич, Н.С. (2001) *Читаем, пишем, говорим по-японски*. Москва: Муравей-Гайд.
- Weinreich, U. (1953) *Languages in contact. Findings and problems*. The Hague: Mouton.